

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ

РУССКОЕ

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

Москва • 2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6
КТК 610
Д 64

Долгопят Е.

Д 64 Русское : [рассказы]. – М. : Флюид ФриФлай, 2018. – 320 с. –
(Книжная полка Вадима Левенталя).

В рассказах Елены Долгопят мистическое сочетается с реальным, современное — с историческим, а глубокий психологизм классической литературы — с изысканностью литературы модернистской. Там, где пересекаются вселенные Чехова, Набокова и Борхеса, — рождаются эти удивительные, ни на что и ни на кого не похожие рассказы.

ISBN 978-5-906827-60-9

© Е. Долгопят, 2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018
© П. Лосев, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Записки о Юре и Клаве	7
Наука	39
Сны	45
Русское	78
Машинист	102
Свойство времени.	131
Книга	157
Круги	159
Дым	161
Нина	163
Три дня	193
Дети	195
РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ	223
День рождения	225
Оборванный сюжет.	234
Март	238
Музыка	256
Небольшая жизнь	282
Меланхолия	309
Нелька	311

ЗАПИСКИ О ЮРЕ И КЛАВЕ

1989, декабрь, 28

По бетонной тропе можно было дойти минут за двадцать, Юра тратил около сорока, а то и побольше, потому что непременно сходил с тропы, усаживался на поваленный ствол, прятал в карман перчатки, закуривал.

Иногда он слышал чьи-то шаги, человек проходил, на объект или в городок; знакомые здоровались, а иногда не замечали и проходили мимо, он не окликал. Однажды он увидел на своем излюбленном месте молодую белокурую женщину. Она сидела, подняв воротник черной цигейковой шубки. В пальцах ее дымилась сигарета.

Юра прошел мимо. Не выдержал и оглянулся. Женщина смотрела застывшими глазами. Лучше бы не оглядывался.

Вышел из леса к городку. Нашупал в кармане пропуск. От КПП сразу направился в столовую.

Очередь. В основном офицеры (их шинелями был забит крохотный гардероб). Стояли, переговаривались. Их звездочки и пуговицы мерцали на темном сукне. Офицеры шутили, подавальщицы им улыбались, очередь продвигалась медленно. Юрий взял сметану, можайское молоко, жареную картошку с рыбой, черный хлеб.

Офицеры позанимали все места. Юра оглядывался растерянно с подносом в руках и вдруг заметил худенькую девушку за дальним столиком у стены и вспомнил, что видел ее когда-то давно — в институте. Подошел и спросил:

— К вам можно? Вы тоже по распределению здесь?

— Ой, да, я тоже, — и она его вспомнила и обрадовалась знакомому лицу. — Меня сначала в Ярославль, а теперь сюда. Что вы стоите? Садитесь. Я так рада, знакомого человека увидела.

Имен друг друга они не знали.

Сидели, ужинали, никуда не спешили. Она сказала, что у нее в комнате еще две женщины, старухи, одна как будто свистит во сне, — такой странный храп, как у резиновой игрушки звук.

— С дырочкой в правом боку, — он сказал.

И она рассмеялась счастливо, — он понимал, он все понимал, свой человек, родной. И конопушки все родные, — так она ему потом говорила.

— А еще, — сказала она, — у нее толстые круглые очки, она в них как водолаз — такое подводное чудище. У меня был маленький приемник, совершенно крохотный, она его брала без спросу слушать, я знаю, потому что она всегда движок переставляла на шкале настройки, а теперь он с трещиной, приемник, по корпусу, она его уронила. Но не признается, ты не думай (они уже перешли на ты), держит оборону. Ну я, что я с ней сделаю, не убивать же, — рассмеялась детским легким смехом.

Юра улыбнулся.

— Она все время что-то о смерти говорит, вот, мол, как ты думаешь, Лида, — Лида — это соседка, — есть что-нибудь после смерти? Та говорит: я не знаю, Тамара. Ее

Тамара зовут. Она говорит: мне кажется, что-то есть. А Лида всегда соглашается. А в другой раз Тамара говорит: нет, ничего там нет. А Лида опять соглашается: наверно. Или про болезни начинают, у кого какие. Я от них по вечерам ухожу, то в магазин, то в библиотеке чего-нибудь посмотрю, журналы смотрю, всё так страшно, про лагерь, верить не хочется, голова не вмещает, и главное, зачем, зачем, не могу понять, бессмыслица. Это я еще только пятый день здесь.

— Я с осени. Сентябрь и далее. Я в кино хожу. С механиком подружился. Пойдем в кино?

— А что там?

— Да всё равно.

И Клава (они уже спросили имена друг у друга) пошла с ним в кино, на «Шуру и Просвирняк», как выяснилось.

Фильм про то, как жалкий человек, мелкий, физически ущербный, незаметно, тихо становится начальником, злобным, мстительным, беспощадным. Эта история поразила их обоих. Особенно то, что маленький человек обидел и ту, которая его пожалела. Они после этого фильма уже поняли, что должны держаться друг друга.

Они ходили по зимнему городку до глубокой ночи, все почти окна были погашены в домах. И остро чувствовалась глушь, оторванность от большого мира.

— У меня ноги застыли, — сказала Клава. — И губы.

Юра поцеловал ее. Не очень ловко вышло.

Он привел ее к себе, на общую кухню, они старались потише, боялись, что кто-то сейчас войдет. Сняли пальтишки, сложили на табурет, уселись за длинный стол.

— Можно я поставлю чайник?

Он кивнул. И Клава встала тихо, посмотрела, есть ли в чайнике вода, долила (воду пустила тонкой струйкой, чтоб не гремела; в здешних домах стены были картонные). Он достал спички и поднес к вентилю огонек. Заварили в кружках, сахару положили по три куска, решились позаимствовать у соседа из сахарницы. Пили чай, молчали и глядели друг на друга. Юра хотел сказать что-нибудь вроде: отогрелась? Прошептать. Хотел и не смел. Как будто было важно помолчать, посидеть тихо. Они точно знали, что будут вместе. Уже были.

Они услышали, как дверь отворяется и приближаются шаги. Вошел Юрин сосед Геннадий, в трениках, в майке. Ни словом не обмолвился. Подступил к крану, открыл, напился. Прошел к окну (Клава смотрела в широкую спину), отворил форточку и закурил.

Так и молчали все трое. Геннадий докурил, бросил окурок в жестянку из-под индийского кофе и закрыл крышку. Повернулся и отправился из кухни.

Шаги, открывается и закрывается дверь. Тишина.

— Он ничего мужик, — прошептал Юрий, — нормальный.

— Я пойду.

— Я тебя провожу.

В подъезде целовались, но тоже не очень ловко вышло.

1989, декабрь, 29

Они познакомились 28 декабря, поздно вечером 29-го опять вместе ужинали. Уже офицеры все разошлись к тому времени, одна только шинель и висела в гардеробе с одинокой майорской звездочкой на выставленном плече. Хозяин шинели, маленький лысый

майор, пил молоко с калорийной булкой, посыпанной ореховой крошкой, и смотрел в стол.

Они припозднились, так как не поехали с объекта со всеми на автобусе после смены, а отправились через лес. Редкие фонари освещали дорогу. Юрий показал Клаве поваленный ствол, сел на него, а Клаву усадил себе на колени, обнял ее, лицом уткнулся в драповую спину и замер. Отчего-то, бог его знает, ему стало жалко Клаву и себя, и еловую лапу, и весь белый свет. И Юра вдруг неслышно заплакал — сами собой полились слезы. Тихо, без всхлипов плакал и боялся оторваться от Клавиной спины.

Клава сказала:

— Холодно.

— Да, — прошептал он ей в спину.

— Пойдем?

Он разомкнул объятия, отнял лицо и быстро вытер ладонью.

Шли заснеженной дорогой.

— Слушай, а мы не в обратную сторону идем?

— Нет-нет.

— Мне кажется, что как будто обратно.

— Ну, значит, дойдем до объекта и вернемся. И куда ни пойдем, всё будем выходить к объекту.

— Не пугай меня.

Он взял ее за руку. Клава сказала:

— Я на Новый год здесь буду, ночная смена, так обидно.

— Я тоже попрошусь в ночную, поменяюсь. Будем сидеть у компьютеров плечом к плечу. Держать оборону.

В те годы компьютеры были большими. На объекте дисплеи с жемчужно-серыми экранами были присоединены к железным шкафам, занимавшим целый зал.

— Зато первого, представляешь, какая будет глушь? Пустые дома, пустые улицы. И мы с тобой заходим куда вздумается.

Юрий, разумеется, не знал, как скоро его детская фантазия осуществится взаправду.

Буквально через четыре года, в 1993-м, известная сценаристка сочинит историю то ли о Москве, то ли об Одессе, то ли еще о каком-то городе (она писала варианты на всякий случай, мало ли где найдутся деньги для съемок). Она писала о русском городе, диком, полуразрушенном, темном, о бедных его маленьких жителях, совершенно потерявших себя во мраке небытия.

Так и не сумевшие вырасти дети. Взрослые за ними присматривали, указывали правила общежития, следили, чтобы были сыты, одеты, обучены, и вдруг в один день ушли из города. Не дети ушли, повинувшись дудочке крысолова, а взрослые. Как вы понимаете, речь не о возрасте, не о летах. Дети (а среди них были и старики) остались одни в городе и одичали. Город, который взрослые несли на плечах, обрушился, дети ползали среди развалин, без пастыря, без ориентиров.

Ничего этого Юрий не знал (а фильм по тому сценарию так и не поставят), те времена еще не наступили, был их канун. В декабре 1989-го можно было вообразить лишь опустевший в первый день 1990-го военный городок, в который вернутся они с Клавой.

1990, январь, 1

Утром 1 января после ночной смены они вернулись в городок на автобусе, вдвоем были в салоне, сидели тесно, на одном сиденье. Окошко замерзло, Клава прото-

пила пальцем что-то вроде крохотного иллюминатора. Или взора, — как говорил Юрий Гагарин. И они глядели (взирали) в него по очереди. На проплывающий лес. Он казался невиданным. Автобусная дорога шла долгим кругом, это пешеходная вела прямо, от ворот до ворот, от КПП до КПП.

Автобус кружил, покачивался.

— Жрать охота, — сказал Юрий.

— У меня колбаса. И шампанское.

Он впервые оказался в ее комнате. Три кровати, три тумбочки, один шкаф, электрический чайник на подоконнике. (Совсем не такой, как сейчас. Тогдашние чайники разогревались медленно, сами отключаться не умели и часто горели, так как не хватало терпения и внимания за ними уследить; этот был именно такой, забытый и сгоревший, негодный.)

Клава показала свой крохотный приемничек с трещиной на синем пластиковом борту. Забытые очки для чтения лежали на тумбочке Тамары и глядели выпуклыми стеклами. Юрий прямо с холода, не дожидаясь колбасы и шампанского, обхватил ладонями голову Клавы, приник к губам, точно выпить хотел из нее воздух или из себя весь в нее — выдохнуть. Клава оторвалась, прошептала:

— Смотрят.

И он торопливо спрятал очки в тумбочку, в верхний ящик.

Кровать была узкая, скрипела и проваливалась, они скинули матрас на пол. Клава сбегала, проверила, заперта ли дверь, и вернулась совсем без всего, белая как молоко. Встала смущенно, прикрыв ладонями грудь. И опустила руки, открылась. Он встал на колени, она легла.

- Я еще никогда.
- Не бойся.
- Я не боюсь.
- Не бойся.

Вышли они на воздух уже в сумерках (колбаса была съедена, а шампанское выпито). Прошлись по улице, во все, конечно, не безлюдной. Куда было местным деваться, здесь их дом, не то что у командировочных. Офицеры и жены их или подруги прогуливались, ребяташки носились.

- В кино пойдем?
- Опять «Вельд»?
- Сегодня не по расписанию кино будет, особый сеанс.

До половины девятого катались с малышкой с ледяной горы. На площади, напротив небольшого Ленина на каменном постаменте, горела электрическими огнями громадная ель, она здесь росла, она была старше городка, старше объекта и деревни (туда ходили за молоком по тропе вокруг леса и через поле). Старая, сумрачная даже в огнях и блестках, она возвышалась надо всеми домами.

От площади направились узким обледенелым тротуаром. В серых пятиэтажках мигали праздничные огни.

- Такие огни, — сказал Юрий. — Сигнальные.
- Кому сигналият? О чем?
- Не знаю.

Они шли взявшись за руки. У Клавды были скользкие подошвы, она осторожно шаркала.

Киносеанс был в квартире киномеханика, маленькой, зато отдельной.

Они вошли в подъезд, поднялись на второй этаж, мимо мерцающего красного огонька сигареты. И кто-то сказал им в спину:

— С Новым годом.

Они ответили хором:

— С Новым годом.

Механик на звонок приоткрыл дверь, посмотрел на них, снял цепочку и пропустил.

— Мы рано, — сказал Юрий.

— Вы первые.

Времени до сеанса оставалось сорок минут. Механик, который представился дядей Колей (и сразу стал как будто родственником), подогрел им чаю и поставил тарелку с колбасой. И хлеба нарезал широкими ломтями.

— От водочки не откажетесь?

— Не откажемся. Как можно.

Начались звонки, открывание дверей, разговоры в прихожей, Клава с Юрой отправились в комнату, заняли место на диване. Входили люди, здоровались. Комната заполнялась споро. Пожилые приходили, и молодые, и с детьми; все разувались, чтоб не нанести в комнатку снега, все пахли холодом и были смущены тайной, предстоящим просмотром, никто не знал, что будет.

На диван втиснулась девушка, зачем-то улыбнулась Юре и сказала:

— А я вас помню, вы всегда у нас в столовой можайское молоко берете в бутылке.

Клава потерпела минуту и прошептала Юре в ухо: «Давай на табурет пересядем?»

— Дядя Коля, а можно, мы из кухни возьмем табурет?

И они пристроились вдвоем у стены на кухонный табурет.

Уже невиданную пластиковую коробочку с лентой внутри, видеокассету, вставил в узкое, с отодвигающейся шторкой, окошечко механик. Уже руку протянул к выключателю мальчишка, чтобы погасить по команде свет, как задребезжал вновь дверной звонок, и механик отправился в прихожую. Все в комнате сидели тихо, даже малые дети. Кто на полу, кто на диване, кто на табуретах (всего два). Единственный стул оставался свободен — для киномеханика.

Из прихожей слышались приглушенные голоса. Голоса смолкли, и в комнату вошла женщина, высокая, бледная, светловолосая. Та, что курила на поваленном стволе в зимнем тихом лесу.

Не глядя ни на кого, спокойно, она приблизилась к стулу киномеханика. Села на него, выпрямила спину. Никто звука не проронил. За женщиной вошел маленький лысый майор, он нес в руках шинель. Постелил шинель у ног высокой женщины (а сапоги она не сняла, и лужа уже натекала, но майору было все равно, что лужа).

Но высокая красавица и майор были еще не последние, последней вошла соседка Клавы Тамара в тех самых очках с выпуклыми толстыми стеклами. Клава смотрела на нее во все глаза. Вдруг поднялась с табурета.

— Садитесь, пожалуйста, Тамара Сергеевна.

И Юра, конечно, поднялся, а Тамара опустилась на табурет, будто так оно и должно было быть. И ноги в штопаных чулках выставила. Юра сбегал за пальто, постелил на полу, и они уселись с Клавой в обнимку. Зато у самого экрана.

— Гаси! — крикнули мальчишке.

И сеанс наконец начался.

Профессор проводил эксперименты по телепортации, мелкие предметы появлялись и исчезали. Затем он сам исчез и появился, и начались с ним странности, сила в нем проснулась, жестокость, ходил он по потолку, плевался ядом. Клава прятала лицо на Юриной груди.

— Всё, можно смотреть, — разрешал он тихим шепотом.

Минут через десять после начала фильма светловолосая красавица поднялась со своего трона (она и на том зимнем стволе сидела, как на троне) и, отчетливо стуча каблуками, в полумраке прошагала к выходу. Люди отодвигались, давая ей дорогу. Она шла молча, спокойно. Майор поспешно поднялся, подхватил шинель и стал пробираться за ней. Он бормотал извинения.

Механик все время сеанса стоял сбоку у стены и курил. Предварительно спросил разрешения у почтенной публики. Уходящим он ничего не сказал и с места не сдвинулся. Они справились с замком и захлопнули за собой дверь.

1990, март, 1

Первого марта выяснилось, что Клава беременна. Они к тому времени расписались, комнату в городке им так и не дали, но обещали перевести работать в Москву на завод «Мосприбор».

Не дожидаясь перевода, сняли квартиру в Кузьминках, на Окской улице, и ездили туда с объекта на выходные. Головное предприятие было в Ярославле, так что кроме зарплаты им выплачивали командировочные, и потому свободные деньги у них водились. Клава ку-

пила подержанный раскладной диван, столовый сервиз (ЛФЗ, 2 сорт), телевизор (Юность-406). Платяной шкаф оставили хозяйский, деревянный, трехстворчатый, с полированными дверцами.

Дом Клава содержала в идеальной чистоте. Когда собирались вечером в воскресенье на объект, говорила:

— До свиданья, квартирка, до свиданья, милая.

Уж конечно, посуда была к отъезду вся убрана, пол вымыт, мусор вынесен.

— Чтоб всё было хорошо, — говорила Клава и закрывала дверь на ключ.

Юра следом за Клавой полюбил временное пристанище. С удовольствием выбирал ткань на шторы, Клава сама их подшивала на старой зингеровской машинке, машинка тоже была хозяйская, стояла в шкафу. Юра смазал механизм, отладил, и Клава выучилась на ней шить, пригодилось в свое время для ребенка.

1990, март, 7

На восьмое марта у Юры выпала рабочая смена, седьмого пришлось ехать на объект. Клава его провожала до метро. Не хотелось расставаться, они медлили.

— Я буду скучать по той дорожке, — тихо сказала Клава.

И Юра понял, что говорит она о дорожке через лес, о поваленном стволе, о том, как дым Юриной сигареты тает в воздухе, о том, как они нашли там однажды металлический рубль, и оставили лежать, и каждый раз проверяли: лежит? — лежит.

— Быстро как дошли, — сказала Клава у спуска в метро. И Юра понял, как ей не хочется его отпускать.

Она держала его под руку и руки не отнимала.

— Поехали вместе, — сказал Юра. — Серьезно. Что ты одна? Пройдемся вместе по дорожке. В кино вечером ходим. Или не пойдем. Как захотим.

— А правда, — сказала Клава.

И повеселела. Но тут же передумала.

— Не могу. Я посуду не вымыла, нехорошо так оставлять.

— Что за ерунда, что с ней делается? Ну прибежит таракан.

Она поморщилась.

— Я шучу.

Она поцеловала его в щеку, поправила ему шарф, спустилась вместе с ним в метро.

Он вошел в вагон, двери закрылись. Она стояла на платформе. Подняла руку и помахала ему.

Путь из Москвы в городок был долгим: метро, электричка от Киевского вокзала до станции Балабаново, автобус до военного городка, до конечной.

В поздней электричке народу было совсем мало. Юрий нашел вагон чуть потеплее и устроился на деревянном сиденье прямо над печкой (печки тогда устраивались в электричках под сиденьями, и если топились хорошо, то сидеть было невозможно, а при слабом отоплении — приятно). Состав тронулся, Юрий приготовился уже задремать, как вдруг увидел идущего по проходу майора. Вагон покачивался.

Майор вошел в тамбур, двери за ним сомкнулись.

Майор закурил, Юрий видел огонек его сигареты через стеклянный верх двери. Юрий курить временно бросил, беременную Клаву тошнило даже от запаха. Он открыл книгу или журнал, не могу сказать с уверенностью.

Журнал очень возможен. «Огонек», «Новый мир», «Знамя». «Замок» или рассказы Петрушевской. Или Шаламова. Всё страшное. Всё морок. Всё невыносимо и нельзя не прочесть. Нельзя не заглянуть туда. Но скоро Юрий бросил читать, оставил на коленях раскрытый журнал (или книгу). Женщина сидела через проход, картонный короб лежал рядом с ней на сиденье. Она вдруг открыла короб, вынула из него что-то завернутое в белую бумажку, развернула (бумажка хрустела как снег и вспоминался сразу Новый год, разноцветные огни в окнах, тот миг, когда старый год завершился, а новый не наступил; единственный миг невыдуманного волшебства). Из бумажки показалась белая фарфоровая чашка, полупрозрачная. Юрий видел сквозь тонкие стенки тени державших чашку пальцев. Белая чашка, расписанная желтыми розами на зеленых колючих стеблях. Рука с чашкой запечатлелась в его памяти. Впоследствии в любой момент он мог вызвать это видение в полупустом холодном вагоне, где только и грела печка, над которой он сидел.

О майоре он к тому моменту позабыл. Увидел его уже в окне автобуса, как в светящейся картине. Майор успел проскочить среди первых, и занял лучшее место, и теперь смотрел на них всех из своего электрического тепла. Толпа пробивалась в автобус, в маленькие его двери.

Автобус был небольшой (пазик), урчал и дрожал. Юра втиснулся последним, двери, шаркнув по спине, закрылись. Майор приподнялся, замахал рукой и закричал:

— Эй, парень, я тебе место держу!

И Юрий догадался по обращенным на него взглядам, что майор держит место для него. Майор махал рукой, кричал:

— Пропустите его! Мы вместе!

Народ ворчал, но давал протиснуться. Кто-то, правда, сказал, что могли бы и женщине уступить место, на что майор взвизгнул:

— Я инвалид! Я из Афгана!

— Ладно, не психуй, — ему сказали.

Люди угрюмо теснились, давая Юре проход.

Майор забрал с сиденья шапку, и Юра сел. Автобус уже тронулся.

— Я правда инвалид, — сказал майор, — я правда из Афгана.

Он выдохнул, успокоился. Ехать им было до конечной минут сорок.

— Расскажи мне, чем там дело кончилось, — спросил майор.

Юрий мгновенно понял, о чем речь.

— Он стал отчасти мухой, — сказал.

Майор хмыкнул.

— Только все эти мушиные свойства в человеке увеличились. Человек — что-то вроде увеличительного стекла.

— Это мне непонятно, — сказал майор.

— Ну. В общем, человек — это чудище.

— Это мне понятно.

Майор посмотрел на Юрия со вниманием. Впрочем, ничего больше не спросил и отвернулся к окну.

У городка уже полупустой, легкий автобус развернулся, встал, отворил двери. Юрий поднялся, выбрался в проход, майор следом. Спросил уже готового прыгнуть со ступеньки Юрия:

— Тебя как зовут?

Юрий обернулся.

— Меня Михаил, — сказал майор. — А некоторые зовут Мишель. В честь поэта Лермонтова.

— А меня в честь космонавта Гагарина.

— Отличный выбор, — сказал Мишель.

Юрий прыгнул и направился к КПП.

1990, апрель, 4

Апрельским вечером накануне пятницы Юрий и Клава прогуливались по городку. Шли рука об руку, здоровались со знакомыми. Было еще светло. Время от времени Клава восклицала:

— Ах, посмотри!

Они останавливались и смотрели.

Ожившая, готовая раскрыться почка.

Глазастый малыш в коляске.

Скачущий по просохшему асфальту воробей.

На площади возле темной ели толпились люди.

— Смотри! — воскликнула Клава.

В белом платье до колен стояла высокая блондинка под руку с майором. Возвышалась над ним.

— Это свадьба.

— Ну да, — тут же понял Юра. — Конечно.

Майор был в парадной форме с орденской планкой. Багровый, гладко выбритый. Потный. У молодой жены лицо спокойное. Взгляд поверхностный, скользкий. Они фотографировались. Вдвоем. Толпа гостей стояла поодаль, за фотографом.

— Внимание, — сказал фотограф.

И толпа за ним примолкла. Но майор вдруг привстал на цыпочки, замахал свободной рукой и закричал:

— Эй, Гагарин! Я женился! Приходи в столовку! Давай! Гуляем!!!

И все-все люди на площади обернулись и посмотрели на Юрия. Клава дернула Юру за руку, жена майора не шелохнулась.

— Спасибо! — крикнул в ответ Юрий. И тоже зачем-то привстал на цыпочки и махнул рукой.

— Внимание! — попросил фотограф утомленно.

Майор поправил фуражку, прижался к жене.

— Улыбочку!

Майор улыбнулся. Лицо жены осталось неподвижным.

— Снимаю!

В тишине они услышали щелчок затвора.

— А как же птичка? — прошептала Клава.

— Вылетела, — прошептал Юра. — Без предупреждения.

Толпа между тем зашумела, повалила к новобранцам — фотографироваться вместе. Темная, еще не очнувшаяся от зимы, ель стояла за ними мрачным фоном.

Клава повела Юру от площади. Молчала, пока совершенно уже не перестали слышаться с площади голоса и смех. Пока не послышался с плаца топот и хор голосов: ...не плачь, девчо-о-онка...

— Бесстыдник, — сказала Клава. И Юра понял, что речь о майоре.

— Почему?

— Почему?

— Я не понял.

— Ну ты даешь.

— Правда.

— Дурачок у меня муж.

— Нет, правда.

— Тебя позвал, а меня не нужно? Тебя это не удивило? Не задело?

Клава шла молча, поджав губы. Поскользнулась на ледяной, невидимой в полумраке глухой улицы дорожке, и Юра схватил ее под руку. Но Клава руку выдернула.

— Домой пойду, — сказала Клава. — А ты не ходи за мной. Оставь.

Это была их первая и единственная размолвка за всю жизнь.

Клава ушла, Юра стоял на тротуаре. Сгущались апрельские сумерки. Холодало. Юра спросил сигарету у прохожего. Закурил. «Ничего, — подумал, — это я так, для отвлечения». Неуютно ему было от того, как они с Клавой расстались. Нескладно. Юра докурил и побрел узким тротуаром. Ледок крошился под ногами, хрустел, как вафля.

Вышел к кинотеатру и увидел афишу:

ОБЛАКО-РАЙ

Темно-серые, каменные буквы ступенями вели к белому облаку на синем клочке неба. На облаке сидел небольшой человечек. Первая буква, О, первая ступень, вросла в узкую полоску земли с пятиэтажными домами (белье на балконах, старухи на лавках у подъездов), вросла, потрескалась.

Юра подумал, что лучше бы посмотрел сейчас детектив. На афише должны быть кровавые буквы с подтеками, синяя ночь, туман, пятно фонаря, женское холодное лицо. Такое холодное и такое красивое, как у жены майора. Юра смотрел на афишу, хмурился.

Развернулся и направился к столовой.

Свет в окнах одноэтажного здания столовой горел, погромыхивала оттуда музыка, на крыльце офицеры курили и говорили о чем-то. Юра стоял рядом, слушал и не мог понять о чем. Улавливал слово, задумывался над ним, а разговор тем временем шел дальше, и даже не шел, а бежал.

«Недоразумение».

Недо-разум...

«Отцепись».

От-цепись. Надо же. Цепь. Вот оно что.

«Отвали!»

От-вали, вали, Валюша, иди валенки валяй.

Лес вали, — какой-то другой, строгий голос подсказал Юре.

Один из офицеров вдруг слетел с крыльца, шлепнулся в едва подмерзшую лужу, крикнул:

— С-с-сука!

Вскочил и вновь едва не шлепнулся, поскользнувшись. С крыльца захохотали. Офицер бросился на хохотавших, его отшвырнули. Юра отступил. Прошел под окнами. Дверь подсобки была открыта, он вошел. Пробрался мимо гремящих посудой женщин; кошка выскочила под ноги, Юра отшатнулся.

В зале столы все были сдвинуты вместе, в один длинный, вдоль стены. Майор с женой сидели во главе. Места свободные были. Из кассетника на подоконнике гремела музыка, немногие танцующие стучали ногами в пол.

Юра сел. Чистой тарелки не было, он придвинул салатницу, почти пустую, взял ломоть хлеба. И ложкой, которая была в салатнице, принялся есть. Свекла с орехами под майонезом. Юре понравилось. Хлебом он собрал со дна остатки. Женщина напротив смотрела на

него. Она походила на Шуру из зимнего фильма «Шура и Просвирняк» (так Юра разделял фильмы, по временам года, — время года как время действия, — и это была точнейшая характеристика; время года создавало настроение, задавало вектор восприятия; «Шура и Просвирняк» был, несомненно, зимний фильм).

«Шура» протянула ему тарелку с жареными пирожками, бутылку и стопку. Юра налил себе, потянулся через стол и налил женщине. Она не возразила. Юра поднял стопку, дождался, пока «Шура» поднимет свою, и чокнулся с ней. Безмолвно. Увидел, что запачкал край рукава в белой сахарной пудре и сообразил, что сидит в пальто и шапке. Поднялся, снял шапку и пальто, шапку сунул в рукав, пальто повесил на спинку стула. Опустился на место.

— Согрелся? — спросила «Шура».

Юра не ответил. Съел пирожок (с мясом). Налил себе еще водки («Шура» свою стопку накрыла ладонью).

Крикнули: «Горько!» Юра посмотрел на майора и его белокурую жену. Майор поднялся, она осталась сидеть; майор с ней сидящей практически сравнялся ростом, чуть-чуть даже оказался выше. Наклонился и поцеловал ее в губы. Поцелуй был долгим, за столом стали гудеть, кричать «молодец», хлопать. Юра смотрел внимательно, не отводя взгляд. Наконец майор оторвался от жены и оглядел стол пьяными сумасшедшими глазами. Поднял руку и крикнул через стол:

— Гагарин!

Юрий не откликнулся.

— Гагарин! — вновь крикнул майор. — Тост! Говори! Налейте, эй, все, давайте, эй, люди! Громобой! Вырубите музыку, выключи, я сказал! Гагарин! Давай!

Музыка оборвалась. Танцующие остановились.

Они подходили к столу, наливали себе в рюмки и стопки. Все ждали, что скажет Юрий, все смотрели на него, и жена майора смотрела, впрочем, без любопытства. Юрию пришло на ум, что у нее ленивый взгляд. Да, слово «ленивый» показалось точным. Юрий поднял свою стопку (кто-то уже налил в нее доверху водки, Юрий и не заметил, едва не расплескал, поднимая).

Юрий сказал:

— Ну. Счастья вам.

Все молчали и ждали продолжения, но и Юрий молчал.

— Отлично! — крикнул майор.

И тогда все ожили, стали чокаться, пить, говорить: счастья, счастья. Майор закричал:

— Давай музыку, душевное чтоб!

И музыка явилась, что-то плавное. Майор прошептал на ухо жене, и она, не взглянув на него, поднялась. И пошла на площадку, оставленную для танцев. Майор шел за женой, смотрел ей в спину и улыбался. Она вдруг повернулась. Он приблизился, обхватил ее за талию, она положила руки ему на плечи. Музыка была восточная, тягучая, сладкая. А может, и сладостная, это кому как. Майор щекой прижался к груди жены. Юрий подумал: что я здесь делаю? Но все-таки не ушел. Вдруг услышал голос «Шуры» и поднял на нее глаза. «Шура» сказала:

— Не хочешь танцевать?

Юрий подумал и встал. «Шура» уже шла к нему из-за стола. Они постояли друг против друга. «Шура» смотрела на него мягко, ладони положила на плечи, он осторожно взял ее за талию. Топтался тихо, не в такт. Вдруг остановился.

— Я пойду, — сказал.

Развернулся и торопливо зашагал к выходу.

В фойе наружная дверь была распахнута, воздух выстужен. Юрий остановился. Пальто он оставил на спинке стула. Возвращаться не хотелось, и он стоял растерянно.

На крыльце курили. Юра прислонился к барьеру гардероба. Пальто и шинели едва умещались на крючках, теснились. Женская шубка валялась на полу с оборванной вешалкой. Юра зашел за барьер, поднял шубку и положил на черную лаковую столешницу. Из зала текла мучительно медленная мелодия. Вышла оттуда «Шура». В руках она несла Юрино пальто. Подошла и положила на барьер — рядом с шубкой. Сказала:

— Олькина шубейка.

— Вешалка оборвалась, — отвечал Юра.

Вынул из рукава своего пальто шапку. «Шура» наблюдала. Сказала:

— Чудная она. Прямо снежная королева. Глубокая заморозка.

Юра, конечно, понял, о ком речь. «Шура» продолжала:

— Главное, что ему годится. Умеет, значит, разогреть.

Она пальцами пробежала по барьеру и, не попрощавшись, направилась в зал. Тягучая музыка смолкла, и — точно обвалилось что-то в зале, грохнуло, застонало, заныло, Юра даже зажмурился. И услышал близкий голос:

— Шинель подай мне.

Белолицый худой мужчина стоял за барьером. Одет он был в гражданский костюм и указывал на светлую полу офицерской шинели. Юра подошел к крючку, снял пальто, снял висевшую за ним шинель. Подумал и повесил опять на крючок. И пальто сверху повесил, как было. Мужчина смотрел изумленно. Юра подхватил свое пальто, вышел из-за барьера и, на ходу одеваясь, направился к выходу.

Он приблизился к серой панельной пятиэтажке, в которой жила Клава. Посмотрел на темные окна. Поднялся на крыльцо, потянул на себя дверь. Она, конечно, была заперта, и Юра постучал. Отворила старуха комендантша:

— Что колотишься? Патруль вызову.

Ни слова не говоря Юра сунул ей трешку.

Он бегом поднялся по лестнице на третий этаж. Прошел по коридору. Постучал в Клавиной дверь. К его удивлению, дверь открылась мгновенно. И он увидел опухшее красное лицо Клавы в полумраке прихожей. Прихожая эта отделялась от собственно комнаты тонкой перегородкой с застекленным окошком. В прихожей стояла обувь, висели пальто. За окошком в комнате теплился свет накрытой полотенцем настольной лампы. Приторно пахло лекарством.

Юра ничего не успел сказать, Клава схватила его за руку и вытащила в коридор. Дверь за собой прикрыла и зашептала:

— У нас катастрофа.

Они вышли на площадку, и Клава рассказала, что соседки ее с нынешнего дня безработные, комнату освобождают, едут навсегда по месту жительства.

— Они пенсионерки, — шептала Клава, — должности сокращают. Ой, как же мне их жалко, и в деньгах потеряют очень (знала бы Клава, во что превратятся эти деньги в ближайшее уже время — в пыль), но главное, они совсем потеряются, здесь работа, дело, а там? Только дома сидеть и смерти ждать.

— Ну ты скажешь.

— Это не я, это они говорят. У Лиды полно народу дома, она здесь от них отдыхает, говорит, что они ее за-

ключают, а моя Тамара совсем одна. Ой, Юра, плачет и плачет, ничего уже не видит, вся опухла, я ей приемник этот подарила, она меня по голове погладила, я тоже заревела. Все ревом, валерьянку пьем и, что делать, не знаем.

Клава замолчала. Всклинула. Юра обнял ее и прижал к себе крепко-крепко.

* * *

Они стоят на этой прокуренной площадке в обнимку. Скоро никого здесь не будет, в этом панельном доме (общежитие квартирному типу), в этом городке, все покинут его, не только зареванные, наглотававшиеся валерьянки пенсионерки. Все уйдут. Лет через триста доберутся сюда отряды туристов — смотреть древние развалины. Будут гадать, что здесь было. Кажется, здесь собирались и смотрели фильмы, ни одного не сохранилось, лишь противоречивые описания, по которым трудно воссоздать истину. Истину разглядеть невозможно, разве что через закопченное стеклышко, чтоб не ослепнуть.

Как давно это было. Их объятия, чьи-то замершие шаги. Толчок ребенка в Клавином животе. Они оба почувствовали толчок и рассмеялись. Смех, за который простятся им все их прегрешения.

Они стоят на лестничной площадке, обнявшись. Они связаны друг с другом на веки вечные, и в горе, и в радости. И смерть не разлучит их.

Долгое время они будут скитаться по съемным московским квартирам. Юрий станет разъезжать в метро с круглым значком на груди СПРОСИ МЕНЯ КАК (живая реклама гербалайфа). Клава будет сидеть дома с ребен-

ком и переводить с английского технические тексты. Юра решится и возьмет в долг подержанную машину — бомбить (подвозить пассажиров).

1993, октябрь, 15

Он увидел из окна своей таратайки (стоял на светофоре) шагающих мокрой зимней улицей мужчину и женщину. Она была в легкой шубке нараспашку, он — в яркой куртке. Оба без головных уборов, загорелые, похожие на иностранцев.

Юра не сводил с них глаз. Очнулся от автомобильных гудков, горел уже зеленый.

Дома с порога Юра выпалил:

— Я видел жену майора!

Клава слушала и горестно покачивала головой.

— Значит, бросила она майора. Нашла себе получше.

Клава назвала майора бедолагой. И долго гадала, как же он теперь.

1995, ноябрь, 3

В девяносто пятом Клава устроилась в ларек на московской окраине у подножия многоэтажек. В ночные смены ходили вдвоем с Юрой (Олюшка ночевала у соседей).

Сидели в ларьке, слушали приемник на батарееках, по очереди дремали на ящиках, застеленных старым покрывалом. Однажды Юра прикорнул и услышал сквозь неглубокий сон крики. Крики и грохот. Будто камни катились по железному листу. Юра приподнял голову. В ларьке было темно, сквозь щели и сквозь оконце просачивался рассеянный электрический свет. Клава стояла у полок со

сникерсами, марсами. Подняла руку и палец приложила к губам. Юра бесшумно поднялся, подошел к ней. Грохот нарастал. Они не видели, так как не приближались к оконцу, скрывались в глубине; не видели, но хорошо представляли, как идут облавой подростки, палками, цепями крушат на пути машины, киоски. Звенит стекло, кажется, что от криков лопается воздух. Всё ближе и ближе.

Расколотят оконце, увидят, что они с Клавой здесь, забьют. И скрыться негде.

Стекло брызнуло, Юра взял Клаву за руку — ледяная рука. Сжал крепко. И так они стояли, взявшись за руки, и видели, как обрушивается хлипкая стена, и видели безумные, орущие лица. Юра зажмурился, не выпуская, не упуская Клавину руку.

Он оказался в темноте и, как ни странно, в тишине. Все звуки оборвались. Он открыл глаза и посмотрел на Клаву. Она смотрела на него.

Юра и Клава были в глухом, безлюдном месте. В багровом полумраке угадывалась земля, кусты. Ветер подул, горячий, такой, наверно, бывает в пустыне. Прямо в лицо ветер. Они отвернулись, зажмурились. Горячий ветер стих, и голоса слышались, но уже далеко. Они открыли глаза и увидели себя в разгромленном, разграбленном ларьке.

Подростки ушли. Ныла сигнализация на чей-то машине.

* * *

В девяносто седьмом Клава получит бабкино наследство, квартиру в небольшом городе (город, где Клава родилась и куда ни за что не хотела возвращаться, — что

я там буду, всё чужое, всё маленькое, мальчишки знакомые все спились, работы нет, тряси́на, а не город; Юра ее прекрасно понимал, он и сам был из такого города). Квартиру они с Юрой продадут, возьмут кредит и купят жилье в Московской области. Юра устроится к тому времени программистом в нефтяную компанию. Отремонтируют сами. Светлые обои, широкие подоконники, душистая герань. Гардины. Рябину посадят под окном. Дочка вырастет, окончит школу, поступит в институт и выйдет замуж в Москву. Они останутся коротать век, смотреть из окна на рябину, на разросшуюся сирень, слушать, как стучит дождь.

2014, август, 29. Пятница

Обычно в начале второго часа пути Юрий поднимался и шел в тамбур. Пиво к тому времени бывало всё выпито, упаковки от соленого арахиса шуршали на полу. Электричка катила полупустая, поздняя.

В этот вечер случилось ему задремать и проскочить свою станцию. Он позвонил Клавье, предупредил, что опоздает. Доехал до конечной и взял такси.

У водителя в салоне бормотало радио. Юрий прислушался. Глухой мужской голос бубнил:

«...на месте полной жизни кондукторши герой видел железный автомат. С которым любезничать ему не захотелось. Бросил монетку, взял билет. Такая случилась подмена живой жизни на железную. Наступало железное время, которое проржавело в свой срок и рассыпалось...»

Водитель нашел другую станцию, русский шансон. Юрий спросил разрешения и закурил. Когда подносил

к сигарете оранжевый огонек, сообразил, что знает эту историю про кондукторшу и автомат.

Он вспомнил военный городок в глухом лесу. Осенние темные вечера. Солдаты бежали по выложенной бетонными плитами дорожке: ох-ох-ох. Страна Ох. Юра дожидался, пока они пробегут, и направлялся по дорожке до поваленного ствола, и, если не было сыро, то садился, закуривал. Он чувствовал себя несуществующим. Ужинал в офицерской столовой. В подсобке гремели посудой, чей-то истеричный голос пробивался: убил меня, убил, просто убил. Юрий поднимался и шел в клуб на вечерний сеанс. Жизнь проходила, он не сожалел. Было ему двадцать два года, только что после института.

Историю про кондукторшу и железный автомат он увидел в клубе военного городка в холодном полупустом зале на последнем девятичасовом сеансе. Давний фильм, черно-белый, из шестидесятых годов. Юрий родился в шестьдесят втором. Ему хотелось знать, что тогда было в мире.

Через полчаса въехали в поселок. Дороги и улицы были пустынные.

Клава смотрела в окно, как он выбирается из машины, забрасывает на плечо черную сумку из-под старого ноутбука, поднимает голову, видит ее в окне, машет большой ладонью.

Сказала, пропуская его в прихожую:

— Ну, слава богу.

Она кормила его ужином, а он рассказывал, как уснул от усталости.

— Такая усталость. Навалилась.
Клава подливала ему чаю.
Не ссорились они никогда.

2014, август, 30. Суббота

Юрий и по выходным дням вставал рано. Поднимался с постели тихо, стараясь не потревожить жену. На столе в темной кухне нашаривал спичечный коробок, вынимал спичку, чиркал о шершавый борт. Поворачивал вентиль, подносил пламя. У них была старая немецкая плита с черной чугунной решеткой. Менять и не думали.

Он любил утренние посиделки в спящем доме. Любил осторожно, беззвучно ставить чашку на блюдце, вспоминать что-то и мгновенно забывать. Прислушиваться, слышать и упускать из слуха бесследно. Кошка приходила, терлась о ногу. Вспрыгивала на колени, он гладил ей загривок. Так они и сидели с кошкой в полузабытьи, пока не вставала Клава. Она приходила к ним на кухню, и начиналось утро. Зажигался свет. Или раздвигались занавески. Вновь ставился чайник. Включалось радио. Варилась каша. Говорили за завтраком о дочери, о политической обстановке, о соседях, о здоровье, о пустяках и о важном, говорили и замолкали. Смотрели друг на друга.

В это утро Клава напекла сырников.

— Ты с молоком будешь чай или с лимоном?

За окошком неслышно шел дождь. Холодало. И Юрий думал, что никуда не пойдет сегодня из дома, починит наконец дверцу шкафа. В дверь позвонили.

— В такую рань, — удивилась Клава и пошла открывать.

Юрий налил себе разогретое молоко в чай.

— Валя? — голос жены из прихожей.

И соседкин голос в ответ:

— А вы-то ничего, ни сном ни духом... Я только сейчас, мне Колька звонил, у него брат в мэрии, всё решено, вот как! Кто бы подумал, мы едим-пьем, планы строим, а они всё уже решили за нас.

— Да что ты, Валя, что? Заходи...

— Не пойду. С плохой вестью, — нет.

— Да что, что?

— Сносят нас, вот что, генплан или что там, дорога здесь будет на нашем месте.

— А мы?

— Куда прикажут. Знаешь, где дома строят? Там, где бывшая свалка, отходы химкомбината, теперь мы там будем процветать.

— Может, ничего.

— Вот так мы всегда рассуждаем, а они пользуются.

В кухню Валя так и не прошла, но сырники взяла с собой, сказала, что лучше Клавы никто их не печет, что всегда чувствует, когда Клава печет. Не запах — аромат, цветение райских деревьев.

Сидели Юрий с Клавой за столом, пили чай, решали, что делать.

— Ну, Валька — это еще не официальное объявление, мало ли что там родственники говорят. Они говорят, а решают другие, — так рассуждал Юрий.

Но только и думалось, что о падении их маленького мира.

— Еще ведь не объявили.

— Еще нет.

На свалку никак не хотелось. Да и далеко она была. От станции далеко.

— Еще неизвестно ничего.

2014, ноябрь, 10

Дома на свалке росли быстро, как будто питались отходами, бывшей когда-то жизнью, громадные дома, по семнадцать этажей, низкие тучи просачивались в комнаты через открытые фрамуги. Так представилось как-то раз Юрию в полусне.

Валентина переехала, устроилась, и они съездили к ней в гости на автобусе, долгий это был путь через промзону, мимо заброшенных и выживших предприятий, рекламных щитов, ярких и выцветших. Из новой квартиры Валентины не выветривался химический запах. У воды был металлический привкус, и чай они не допили.

Снизу посмотрели на окна Валентины и на свои будущие окна. В них отражалось заходящее солнце.

— Ничего, фильтры купим. У нас тоже вода не бог весть, жесткая вода.

— Я к ней привык.

Клава взяла мужа под руку, и они побрели к автобусной остановке.

И с каждым шагом всё ближе к старому дому в кругу тополей, и лип, и боярышника, и сирени, и рябины, и одичавших яблонь. Всё ближе и всё дальше.

Самый крайний срок переезда назначен был на середину декабря. Юрий с Клавой тянули до последнего, в конце ноября только они и остались в подъезде. Электричество отключили, и Юрий носил с собой фонарик.

В доме зажигали керосиновую лампу. Газ еще давали, хотя и плохой, желтого цвета, с ядовитым запахом, так что окно всегда держали чуть приоткрытым и слышали шорох в заледеневших зарослях.

* * *

Я вижу, как поднимается по темному маршу Юрий. Фонарик освещает ему путь.

Клава приоткрыла дверь, ждет. Вода в чайнике уже закипела, чай только что заварен, горит керосиновая лампа на кухонном столе. Какой сейчас век на дворе?

Литературно-художественное издание

Елена Долгопят

Русское

16+

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглая Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 29.03.2018. Формат 76 x 108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 16,8. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»

109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2

тел.: (985) 8000 366

www.fluidfreefly.ru

e-mail: fluid@gorodets.ru,

levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru